

Ю

Пермский государственный технический университет

На правах рукописи

ЧЕРНЫШЕВА Наталия Михайловна

**МЕНТАЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(ПЕРИОД ДЕТОТАЛИТАРИЗАЦИИ)**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
*диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук*

Пермь - 2001

Работа выполнена на кафедре культурологии Пермского государственного технического университета.

ОН

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Лейбович О.Л.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Орлова Э.А. (Москва)

доктор философских наук, профессор Большаков В.П. (Новгород)

Ведущая организация:

Пермский военный Краснознаменный институт ракетных войск

Защита состоится 19 декабря 2001 г. в 14 30 на заседании диссертационного совета Д 212. 168. 06 в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого (173014, Великий Новгород, Антоново, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ауд. 317)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Новгородского государственного университета

Автореферат разослан «9» «ноября» 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н., доцент

/Девяткин С.В./

526310

2003-4
14211

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования Кризис идентичности, приписываемый современному российскому обществу, актуализирует вопросы, связанные с ментальными основаниями отечественной культуры, особенно того периода, который именуется недавним прошлым. Требуется интеллектуальное усилие, направленное на философское осмысление советской культуры, представляющей собой одну из вариаций отечественной культуры, реализованной в XX веке.

Методологическая актуальность связана с распространением антропологической парадигмы, и в частности, структурного функционализма в гуманитарных науках. Данное направление характеризуется пристальным вниманием к внутренним закономерностям развития культуры и рассмотрением ее с точки зрения сложной диалектики внешнего и внутреннего, «взаимоотношений окружения и кругозора»¹.

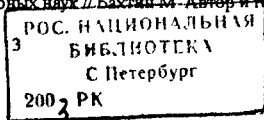
Объект исследования. Ментальность советского общества периода детоталитаризации, понимаемая как социально-философская категория.

Предмет исследования. Советский кинематограф, рассматриваемый как коммуникационный процесс, артикулирующий ментальность советского общества.

Современное состояние проблемы. В настоящей работе затрагиваются три фундаментальных проблемы, которые рассматриваются в современных гуманитарных науках автономно.

Первая проблема связана с исследованием ментальности, как в плоскости теоретического конструирования социокультурной категории научного исследования, так и применительно к реконструкции ментальных координат конкретных обществ. По сложившейся традиции первенство во включении данной категории в научный оборот приписывают исторической школе «Анналов».

¹ Бактин М. М. К философским основаниям гуманитарных наук // Бактин М. Автор и герой – СПб., Азбука, 2000 С 228

Усилиями М.Блока, Л Февра, Ж Ле Гоффа, Ж Ревеля изменяется отношение к средневековым источникам: ученый, вступая в диалог с ними, стремится отрешиться от своего я и проникнуть в мышление носителей средневековой культуры, чтобы не оценить ее, а понять. В традициях школы «Анналов» исследует историю и культуру средневекового общества А.Я.Гуревич, но в отличие от своих французских коллег в его работах представлены не только категории, определяющие мировоззрение средневекового человека, но и размышления о теоретических проблемах применения категории ментальности в исследовании.

Ментальность архаических обществ являлась предметом исследования Л Леви-Брюля и К.Леви-Строса. Применяя методы структурного анализа, они реконструировали ментальные операции, лежащие в основе первобытного мышления и выявили закономерности трансформации смыслов и значений ментальных установок, связанные с их прохождением через бинарные оппозиции психических структур человека.

Складывающаяся в Германии традиция изучения повседневной истории неминуемо приводит таких ученых, как Г.-В.Гетц, Г.Теллсбах, Ф.Селин, Ф.Граус к проблеме дефиниции ментальности. В семантическом поле данной категории, очерченном ими, фигурируют коллективное, бессознательное, этические и познавательные коды, психологические реакции и базовые представления, а в качестве носителя ментальности выступает социальная группа.

В отечественных гуманитарных науках интерес к проблеме ментальности связан с апробированием антропологической парадигмы и осмыслением российской идентичности. В дискуссиях по этим вопросам принимали участие историки Е.Ю.Зубкова и А.И.Куприянов, Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная, социологи А.П. Бутенко и Ю.В.Колесниченко, философы В.П.Большаков, Г.Д.Гачев, И.К.Пантин, А.С. Панарин.

Реконструкция архаической, средневековой и новой истории, дискуссии вокруг ментальности выявили следующую особенность человеческой деятельности: человек живет в соответствии с той картиной мира, которая существует

в его сознании и не всегда тождественна действительности. Следовательно, актуальность рассматриваемой категории определяется не темпоральной удаленностью исследователя от объекта изучения, а самой природой человека, особенностью функционирования общества. Поэтому установка рассматривать общество, погруженным в ментальный эфир, применима и к современным социокультурным общностям.

Вторая проблема связана с изучением социокультурных аспектов существования советского общества в послевоенный период, характеризующийся процессом детоталитаризации. Методологическим проблемам социокультурного подхода посвящены работы А.С.Ахизера, предлагающего соотносить общее основание воспроизводительной деятельности с нравственным идеалом, О.Л. Лейбовича, рассматривающего советское общество в контексте модернизационных процессов, Л.Гозмана и А.Эткинда, моделирующих тоталитарный тип человека.

Смена объектов изучения, интерес к повседневной жизни и мировоззрению человека характерны для исследований Е.Ю. Зубковой, С.В.Балакина, П.Вайля и А.Гениса.

Особняком стоит исследование В.Паперного «Культура Два», в котором он заявляет, что «не отдельные архитекторы, критики, чиновники и вожди своими усилиями поворачивали архитектуру (литературу, кино) в ту или иную сторону, а напротив, это движение в ту или иную сторону первично по отношению к усилиям отдельных людей»¹. Именно то, что совершает это движение, вовлекая в него отдельных людей, он предлагает именовать культурой. Важным моментом в исследовании В.Паперного является попытка выйти за рамки искусствоведения в анализе архитектурного материала, для того, чтобы выявить глубинные основания, лежащие в основе отечественной культуры, и репрезентированные в архитектуре.

Третью проблему можно обозначить как включение исследований кинематографа в проблемное поле гуманитарных наук, в сферу интересов философии.

¹ Паперный В. Культура Два. – М., ИЛЮ. 1996. С.17

Благодаря усилиям Р.Арнхейма, Э.Линдгрена, Л.Деллюка Б.Балаша, В.Шкловского, С.Фрейлиха, которые заложили основу киноведения, изменяется статус кинематографа, и он неоспоримо вводится в ранг искусства. В исследованиях этих авторов подспудно возникают вопросы об особенностях человеческого восприятия и соотношении кинематографической реальности с тем миром, в котором живет человек.

В частности, рассуждения Р.Арнхейма об ограничениях, свойственных киноизображению не только позволяют ему называть кино искусством, но и делать вывод о коренном различии между видимым миром и его воспроизведением в кино.

Однако не все теоретики кино разделяют его точку зрения. З.Кракауэр и А.Базен приписывают кинематографу имманентный реализм, позволяющий отображать на экране мир, очищенный от человеческого влияния и всяческих условностей, то есть мир действительный.

Объяснение таким диаметрально противоположным трактовкам кинематографа можно найти у сторонников теории структурного экрана Среди них Р.Якобсон, Ж.Митри, В.Сальтини, У. Эко, К.Метц, С.Уорт, режиссер П.П.Пазолини. В процессе анализа системы киноязыка они обнаруживают особенность кинотекста, состоящую в том, что экранный звукозрительный ряд является семиотически и коммуникативно автономным и, одновременно, воспроизводит предметный мир.

Кинематограф связан с культурным и художественным опытом коллектива - с этим утверждением Ю.Лотмана согласен М.Ферро, который рассматривает кино как один из способов коммуникации, между разными слоями общества. Это позволяет использовать кинематограф в качестве источника для исследования широкого спектра проблем, связанных с социокультурными коммуникациями.

Изменение канонов киноведения связано с именем Ж.Делеза: «поскольку философия после своей смерти разлита по всему пространству культуры, - пипет он, - то почему бы не найти ее в кино»² Французский философ исследует кинематографическую образность как проекцию

² Делез Ж. Кино 1 Образ-в-движении // Искусство кино 1997 №4 С.134

человеческого мышления на экран и предполагает, что она влияет на восприятие современного человека.

Вопросами об изменении представлений современного человека о категориях классической эстетики при столкновении со сферой кинематографического выражения задается О.Аронсон. У.Эко деконструирует *Касабланку* для выявления архетипов, клише, мифов, лежащих в основе этого фильма.

В работах Ж.Делеза, О.Аронсона, У.Эко, М.Рыклина кинематограф рассматривается как возможность интеллектуальной визуализации сущности, как синтезе вербального и инвербального мышления репрезентированного на экране.

Опыты исследования советских кинофильмов, связанные с выяснением особенностей мировоззрения, нравов и норм советского послевоенного общества представлены в монографии Л.Аннинского, статьях В.Трояновского, И.Извольной, Е.Марголита, А.Шемякина, М.Брагинского, И.Шиловой, М.Туровской, Е.Стишовой, А.Королевой, Э.Хортона. За исключением последней работы, выпшедшей из под пера американского ученого, статьи вышеперечисленных исследователей имеют специфическую черту: они представляют собой синтез научного исследования и ностальгических воспоминаний, в них сочетается культурологический дискурс и рефлексивное начало.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что три указанных направления гуманитарных исследований имеют точки пересечений, их проблемные поля накладываются друг на друга. Прослеживается потребность в интегральном исследовании, в котором эти проблемы составят основу единого исследовательского поля.

Целью данной работы является реконструкция ментальных координат и критериев идентичности советского общества через призму кинематографа.

Задачи, определяемые поставленной целью, состоят в следующем:

- Включить кинематограф в проблемное поле философии, как специфический социокультурный феномен, репрезентирующий мышление человека в образах и визуализирующий процесс структурирования реальности;
- Структурировать представления о кинематографической репрезентации ментальности советского общества;
- Уточнить дефиницию ментальности, ее структуру и функции;
- Уточнить понятийный аппарат, связанный с категорией ментальности;
- Ввести понятие коммуникативный кинематографический процесс;
- Апробировать технику исследования кинематографа для извлечения ментального содержания социокультурных координат, основанную на теории диалогичности культуры М Бахтина, герменевтических методах изучения культуры.

Методология. Настоящая работа опирается на постулаты структурного функционализма, одной из парадигм в русле культурной и социальной антропологии. Основные положения данной парадигмы разработаны Э.Маркаряном, Б.Малиновским, А.Рэдклиф-Брауном, обобщенное методологическое описание представлено Э.А. Орловой. Культура определяется как образ жизни людей, как система, выполняющая единую адаптивно-негэнтропийную функцию, как содержание социальной деятельности людей. Значимыми являются понятия «взаимозависимость членов общества», «конформность к ожиданиям других», «социальная солидарность», «социокультурный консенсус».

Функциональный подход связан с изучением устойчивых форм, которые позволяют индивидам осваивать социальную жизнь, приспособливаться к ней и поддерживать ее. Учитывая, что обществу свойственно стремление к построению стройной картины мира, позволяющей адаптироваться к окружающей среде, категория ментальности может быть рассмотрена как одна из базовых, лежащих в основе целостности социокультурной системы. Структурный функционализм ограничивается рассмотрением того, что можно обозначить как общественный кругозор, и признает наличие концептуального зазора между со-

циокультурными ролями выполняемыми индивидами и их личным автономным существованием.

В рамках настоящего исследования ментальность представляет собой элемент культурной системы, который позволяет обществу не только существовать как целостность, но и осознавать себя таковым, позволяет взаимодействовать как с природным, так и с социальным окружением. При этом учитывается, что мировоззрение человека не ограничивается исключительно ментальностью, но содержит и личный кругозор. Ментальность не гарантирует инвариантного поведения в заданной ситуации, потому что помимо интериоризированных социальных норм, предписанных правил социального действия существует личный кругозор, складывающийся на основе личного опыта индивида. Между ментальностью, как социокультурным кругозором, и личным кругозором человека существуют диалектические взаимоотношения

Техника исследования базируется на представлении о диалогическом устройстве культуры, которое разворачивается М Бахтиным и В.Библером, и на опыте герменевтики. Использование в качестве источников для реконструкции ментальности не только кинофильма, но и зрительских рефлексий по поводу увиденного, позволяет воссоздать требуемую цепочку: автор – адресат - исследователь гуманитарий. В качестве автора выступает режиссер, манифестирующий себя в кинематографическом тексте. Адресат же перестает быть идеальной конструкцией, являющейся плодом размышлений исследователя, а обретает свой собственный голос. Привлечение реакции зрителя облегчает проникновение в кинотекст, но предотвращает опасность тотального отождествления исследователя с адресатом и повышает степень остранения. В данном случае исследователь ведет диалог с диалогом, что позволяет избежать экстраполяции норм и ценностей исследователя, на смыслы, свойственные советской ментальности.

Научные результаты исследования и их новизна:

- В настоящей работе кинематограф включен в проблемное поле филосо-

фии, как носитель и генератор ментальности, как феномен, связанный со структурированием реальности на экране;

- Структурированы представления о кинематографической репрезентации ментальности советского общества;

- Советское общество рассмотрено с позиции культурного консенсуса, лежащего в основании его функционирования;

- Советское общество интегрировано в контекст отечественной культуры XX века,

- Уточнена дефиниция ментальности, ее структура и функции, в соответствии с нуждами исследования культуры общества;

- Институционализирован адресат в диалогическом треугольнике М Бахтина (автор-адресат-исследователь) и переведен из проектного статуса в субъектное состояние;

- Уточнен понятийный аппарат, связанный с категорией ментальности и ее взаимоотношением с кинематографом,

- Введено понятие коммуникативный кинематографический процесс.

Практическая значимость. Настоящая работа может быть использована при создании обобщающих работ по теории и философии культуры. Возможно применение диссертации при разработке общих и специальных курсов по культурологии, философии, истории отечественной культуры. Результаты исследования могут найти применение в тех сферах деятельности, где существует потребность учитывать ментальные предпочтения, свойственные отечественной культуре.

Структура работы. Диссертация состоит из трех глав, введения, заключения, списка литературы и источников

Первая глава посвящена дефиниции понятия ментальность, анализу структуры ментального феномена и его функций, обзору методов исследования ментальности. Так же в ней анализируются особенности отечественного менталитета, отмечаемые в дореволюционный и постсоветский периоды.

Во второй главе в центре внимания оказывается кинематограф в его новоприобретенном статусе носителя современной философии. Формулируется понятие кинематографического процесса, который позволяет раскрыть механизм структурирования экранной реальности и предлагается техника извлечения ментального содержания, зафиксированного в этом процессе.

Третья связана с анализом кинематографического материала, в процессе которого осуществляется реконструкция социокультурных координат, составляющих ментальность советского общества периода детоталитаризации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность работы, обозначается предмет и объект исследования, анализируется современное состояние изученности поднимаемой проблемы, исходя из чего, поставлены цели, задачи и определена методологическая база.

Первая глава «Ментальность как категория социокультурного исследования» состоит из трех параграфов. Первый посвящен дефиниции ментальности, ее структуре и функциям. Ментальность определяется как система социокультурных координат, складывающихся в картину мира и генерирующих идентификационные коды общества. Структурной единицей ментальности является социокультурная координата, представляющая собой позицию носителя ментальности по отношению к экзистенциальной проблеме человеческого бытия. Социокультурные координаты – это смысловые ячейки, взаимосвязанные и взаимозависимые друг от друга.

Процесс смыслообразования связан с взаимодействием пар бинарных оппозиций: сознательное – бессознательное, рациональное – иррациональное, логическое – эмоциональное и др. – как внутри пары, так и между ними.

Функции ментальности – собирание картины мира и формирование социокультурной идентичности конкретного общества. Ментальность система

динамическая, однако, темпы изменения характеризуются инертностью, а механизм приживания инноваций аналогичен общим закономерностям социокультурной динамики

Во втором параграфе рассмотрены методы изучения ментальности, основанные на извлечении имплицитного содержания из источника, разработанные на данный момент в рамках структурализма и семиотики, психоаналитической парадигмы и герменевтики, школы «Анналов», связанные с применением контент-анализа, исторической семантики. В настоящей работе используется метод диалога с источником на основе триады автор – адресат – исследователь и трех стадий диалога: вопрос адресата, ответ автора и вопрос исследователя к вопросно-ответному диалогу.

В третьем параграфе обозначены некоторые особенности отечественного менталитета, отмечаемые для дореволюционного и постсоветского периодов. На основе этого обзора уточняется проблемное поле исследования, связанное со следующими экзистенциальными проблемами: человек между индивидуальным и коллективным или специфика пространства для-себя-бытия в советской культуре; человек между телом и душой; человек-в-пространстве-повседневности; человек-во-времени; человек и власть.

Вторая глава рассматривает «Кинематограф как источник для изучения ментальности» и включает в себя четыре параграфа.

В первом, в качестве связующего звена между ментальностью и кинематографом, рассматривается реальность, поэтому возникает потребность в дефиниции и разграничении таких понятий как реальность и действительность, для чего привлекаются работы Г.В.Ф.Гегеля и И.Канга, П.Бергмана и Т. Лукмана. Действительность определяется как окружающая человека среда обитания, не представленная ему непосредственно, как трансцендентная сущность, явленная человеку через призму восприятия. Реальность – это информация о действительности, структурированная человеком через призму восприятия, интериоризованная человеком действительность.

Интерес для данной работы представляет социокультурная интериоризация действительности, осуществляющаяся в соответствии с ментальными координатами и ее фиксация в рамках кинематографического процесса.

Далее в первом параграфе осуществляется адаптация кинотеорий к нуждам изучения ментальности. В процессе сопоставления искусствоведческой кинотеории (Р Арнхейм) и концепции имманентного реализма кинематографа (А.Базен, З.Кракауэр, Э Ромер), теории структурного экрана (С Уорт, П.П.Пазолини, В.Сальтини, У Эко) и исследований кинематографа в рамках философского дискурса (Ж.Делез, О Аронсон, М Рыклин) становится очевидным, что кинематографическое репродуцирование представляет собой зафиксированный взгляд человека на окружающий мир.

Безусловно, с одной стороны, в плане интенциональном кинематограф может представлять образы неопределенные, ускользающие, «какие-угодно-моменты» и тяготеет к объективной репрезентации окружающего мира за счет отсутствия дискретности в движении кинообразов. Однако, с другой – человек, являясь и производителем, и потребителем кинопродукции вносит в это течение непривилегированных мгновений свой антропомерный ритм и структурирует эти мгновения, наделяя некоторые из них доминантными свойствами.

На последнем утверждении базируется настоящее исследование: любые объекты и процессы, существующие сами по себе, не структурированные и не ранжированные в действительности, попадая в сферу внимания человека, проходят через ментальные структуры и преобразуются в реальность, в том числе и кинематографическую. Объекты, не вошедшие в структуру, выведенные в процессе интериоризации за рамки конструируемой реальности оказываются свободными от рангов и доминант, но в этой своей какой-угодности они «невидимы» для человека.

Создание фильма есть социокультурный процесс, в рамках которого, человек познает окружающий мир, рефлексировать, раскрывает свою сущность и выстраивает кинематографическую реальность, в которой фиксируются мен-

тельные установки, свойственные той культурной традиции, к которой принадлежит человек.

Второй параграф посвящен пространству повседневности, на котором соприкасаются кинематограф и ментальность. Выделены три основные трактовки повседневности. Негативистская (Г.Зиммель, М.Хайдеггер) и позитивная (А.Лефевр, С.Бойм) интерпретации представляют собой два варианта наполнения социокультурным смыслом экзистенциальной проблемы повседневности.

Социологическая трактовка повседневности, как жизненного мира, как конечной области значений, как реальности (Э.Гуссерль, А.Шюц, Л.Г.Ионин, П.Лукман и Т.Бергер) сближает ее с ментальностью. Категория ментальности изначально вводилась в научный оборот для изучения повседневности, следовательно, возможен и обратный процесс – извлечение ментальных смыслов из повседневности. Здесь-и-сейчас бытие человека, характеризующее повседневность ускользает от рефлексий и с трудом фиксируется, однако, аудиовизуальный ряд кинематографических образов создает условия репрезентации повседневности. Кинематограф, используя в качестве образов знаки действительности, может запечатлеть штрихи повседневности как первичные естественные знаки или как избыточные сведения, которые могут быть считаны зрителем или исследователем.

Понятие кинематографического процесса формулируется в третьем параграфе. Он связан с коммуникацией, осуществляющейся между создателем и потребителем кинопродукции. Субъектами коммуникации выступают: режиссер, манифестирующий себя и свое представление о реальности в кинотексте; кинофильм, представляющий собой кинореальность, структурированную режиссером; зритель, являющийся адресатом, интерпретирующим кинотекст в соответствии со своими ментальными установками.

В качестве этапов кинематографического процесса выделяются: структурирование реальности режиссером во время съемок; демонстрация и просмотр фильма, во время которых происходит столкновение кинореальности и реаль-

ности жизни, как она видится зрителю; осмысление опыта, полученного во время просмотра фильма.

В рамках кинематографического процесса артикулируется, фиксируется и институционализируется смысловое наполнение социокультурных координат, которое обнаруживается во время диалога режиссера и зрителя, осуществляемого посредством фильма. Именно этот диалог находится в центре внимания настоящего исследования.

В качестве источников используются объекты, в которых институционализирован кинематографический процесс: фильмы, рефлексии режиссеров и зрителей, зафиксированные в печати, в частности, в журнале Искусство кино, где в качестве зрителей выступают по преимуществу критики. Следовательно, источниковую базу работы составляют не только фильмы, но так же статьи режиссеров, критиков, дискуссии, опубликованные в журнале Искусство кино.

Третья глава «Реконструкция ментальных координат советского общества» разделена на пять параграфов, в соответствии с заданными к кинематографическому процессу вопросами.

Первый вопрос связан с образом смерти репрезентированном в кинематографическом процессе, так как смерть представляет собой одну из базовых экзистенциальных проблем, стоящих перед обществом. В образе смерти культура проговаривается о своих представлениях о реальности, в которой живет человек.

Образ смерти в советском кинопроцессе фиксирует следующие ментальные установки. Душа и тело представляют собой противостоящие друг другу социокультурные координаты. Смыслы, приписываемые душе, связаны с высоким, возвышенным, прекрасным. Душа интерпретируется как источник жизни, а в качестве носителя производной от нее духовности выступает – коллектив, социум, народ, в своем единстве.

Тело представляется источником опасности для души, от него исходит угроза духовного небытия, которое и есть смерть. Тело олицетворяет низмен-

ные, животные инстинкты, его связывают с проявлением индивидуалистического начала, эгоизма, поэтому оно имеет негативные коннотации и находится в зоне стыда. Советский кинематограф тяготеет к тому, чтобы сделать тело фигурой умолчания.

Учитывая, что осмысление смерти продиктовано опытом войны, то реализация духовности связана с героическим деянием, обретением общей судьбы, а значит с возможностью бессмертия в пространстве коллективного будущего. Предпочтение индивидуального интерпретируется в контексте предательства, измены общей судьбе, следовательно, карается небытием, абсолютной смертью. Образ смерти, зафиксированный в кинематографическом процессе, можно определить как смерть-для-других.

Не только для репрезентации военного периода, но и в фильмах о современности, мирном времени, пространство подвига воспринимается как безопасное и необходимое для души, а, следовательно, жизни, в то время как обыденное – опасно и чревато смертью духовного начала, что равносильно отсутствию жизни.

Взаимоотношение индивидуального и коллективного не исчерпываются отнесением первого к зоне смерти, а второго – к жизни. Второй вопрос связан с детоталитаризацией массовидного человека, которая продолжалась в течение рассматриваемого периода. В основе детоталитаризации лежит обретение человеком пространства для-себя-бытия, что актуализирует проблему взаимоотношения индивидуального и коллективного, соотношения для-себя-бытия и бытия-для-других.

Возможны два варианта детоталитаризации: индивидуальность, в рамках которой для-себя-бытие представляет собой отражение себя-в-другом, бытие-для-себя интегрировано в бытие-для-других, или личность, когда для-себя-бытие обретает форму бытия-в-себе и изолировано от бытия-для-других.

Бытие-для-себя представляет собой инновацию, поэтому должно быть осмыслено и приведено в соответствие с другими ментальными координатами.

С одной стороны, рефлексии, сфера чувств требуют частного пространства, однако духовность, интерпретируемая как мера сопричастности к бытию-других, а так же бескомпромиссность, отличающая советскую ментальность, сопротивляются изолированности в-себе бытия.

Личность отторгается, так как замкнутое в-себе-бытие опасно своей близостью к эгоизму, одиночеству, равнодушию и удаленностью от коллективного. Не найдено смыслов, придающих значимость в-себе-бытию, вне контекста публичной жизни Бытие-для-себя приживается в виде индивидуальности, и его высокодуховность состоит в готовности пренебречь частной сферой. Значимость для-себя-бытия индивидуальности обретается в процессе вынесения его содержания в мир.

В сфере для-себя-бытия разворачивается гендерный социокультурный конфликт. Женский персонаж имеет больше возможностей реализовать свое право на для-себя-бытие, чем мужской. Женщине приписаны функции, исполняемые как в публичной сфере, так и частной. Для-себя-бытие реализуемое через материнство и в рамках домашнего очага связано, одновременно, со служением и допущением других в свое частное пространство. Для женщины очевидна система поощрений и наказаний, в зависимости от исполнения ею социокультурного контракта. Бытие-для-себя мужского персонажа тяготеет либо к негативно оцененному в-себе-бытию, либо к пустоте. Для самореализации ему остается лишь сфера подвига или ее трансформированный вариант – Служение, что выталкивает мужчину из сферы частной в пространство публичной жизни.

Наполнение смыслом для-себя-бытия связано с вопросом, рассматриваемым в третьем параграфе: как идет освоение пространства повседневности, которое актуализировалось в период детоталитаризации общества. Кинематографический процесс демонстрирует распад проблемы повседневности на две составляющие: будни и мир вещей.

Координата будней имеет амбивалентный характер, так как ее смысловое содержание формируется двумя путями. Первый связан с приписанием будням

статуса высокого, поэтического, помещение их в пространство героического и вечного. Выход за пределы «здесь» и «сейчас» негероического существования позволяет наделить будни позитивными коннотациями, однако такой подход к решению проблемы связан с подменой будней антибуднями, что свидетельствует о неприятии обыденности.

В случае, когда будни не завуалированы возвышающими характеристиками, их определяют через серое, рутину, болото, и стремятся отмежеваться от них.

Второй составляющей повседневности предстает мир вещей, на который переносятся проблемы с собственной телесностью, а значит, он опасен, постыден и находится в оппозиции к духовности. Взаимоотношение с миром вещей оборачивается мещанством, которое есть показатель духовной недостаточности и человеческой ущербности.

Неприятие мира вещей и не-возвышенных будней, приводит к отталкиванию от повседневности, а именно, в ее пространстве есть условия для реализации для-себя и в-себе-бытия. В отсутствие пространства повседневности индивидуальности сложно воспринимать для-себя-бытие как значимое и самостоятельное, поэтому только интеграция частной жизни в сферу публичного бытия-для-других дарует человеку уверенность в себе и своей высокой предназначенности в мире.

Четвертый вопрос спровоцирован самим кинематографическим процессом, который зафиксировал актуализацию такой экзистенциальной проблемы как рациональность. Рационализм воспринимается как необходимость, но его включение в систему ментальных координат советского общества требует усилия, связанного с преодолением конфликта между рациональностью и духовностью. Рационализм, который приемлем, осмыслен как целеустремленность и допускается только в сфере публичной. Прагматизм, как негативная ипостась рационализма, связан с расчетом, с личным пространством и эгоизмом.

В этом контексте прослеживаются особенности трудовой этики. Труд ос-

мыслен в первую очередь как возможность самореализации, как Служение, поэтому денежное вознаграждение не воспринимается как эквивалент вложенного труда. Деньги как мотив трудовой деятельности постыден, а в качестве экономического фактора в первую очередь называется нравственность

Повседневность и прагматизм связаны через мир вещей, и преодоление этих проблематизированных явлений возможно через праздник и алкоголь. Они позволяют раскрыть себя в мир, подняться над повседневностью и представляют собой бунт души против обыденности и прагматизма. Один из обрядов инициации, репрезентируемый кинематографом, связан с участием в застолье.

Ирония посвящен пятый параграф. Ироничное мировосприятие позволяет диагностировать отсутствие страха перед будущим, которое репрезентировано в кинематографическом процессе не как завтра, которому суждено стать настоящим, а как вечное, как трансцендентный недостижимый абсолют, являющийся, тем не менее, областью притяжения. Будущее втягивает в себя настоящее, результатом чего становится либо восприятие последнего как безвременья, либо как потенциального будущего.

Ирония свидетельствует об общественном консенсусе относительно status quo.

Иронический подход к жизни и самому себе с энтузиазмом провозглашается лекарством от экзистенциальных проблем связанных с освоением для себя-бытия. Он распространяется на будни, мир вещей, прагматизм, опасность которых спижается при таком подходе, несмотря на негативные коннотации. Сфера тела не попадает в область иронического освоения, что свидетельствует о не преодоленном страхе перед ней.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Реконструкция ментальности советского общества подтвердила гипотезу относительно взаимосвязанности и взаимозависимости ментальных установок, что позволяет признать термин социокультурная координата наиболее удач-

ным, для обозначения структурной единицы ментальности. Инертность ментальности демонстрируется на примере длительного и сложного процесса приживания инноваций.

В процессе адаптации кинотеорий обращает на себя внимание следующая особенность человеческой сущности: постоянное стремление выйти за рамки наличного бытия и сотворить новую для себя, другую реальность, на которую он проецирует свою сущность. Человек приспособляет мир к себе, проецируя на него свои атрибуты. Кинематограф связывается с глубинным стремлением человека к овладению пространством и временем.

Реконструкция ментальных координат советского общества позволяет сделать вывод, что, несмотря на специфику духовного опыта советского общества, оно не является иным по отношению к отечественной культуре. Советская культура представляется логичным продолжением культуры дореволюционной и предшественником постсоветской. Наиболее явно это прослеживается применительно к взаимоотношению таких ментальных координат как тело и душа, а так же, к актуализации для-себя-бытия, отмечаемой Н.Бердяевым еще в начале века.

К инновациям, актуализировавшимся в советский период, можно отнести освоение рациональности и иронии

Отечественную культуру можно охарактеризовать как культуру напряжения. Несмотря на странническую парадигму, для нее свойственно не столько горизонтальное растекание, сколько ось вертикального напряжения, как в случае с духом и плотью. Вопреки законам физики эти противоположно заряженные полюса: положительный и отрицательный - не притягиваются, а отталкиваются. Отечественная культура не терпит компромиссов, ей свойственно преодоление собственной телесности через отталкивание или игнорирование. Можно предположить, что это напряжение плодотворно и его ослабление, при неизменных социокультурных координатах, чревато нарастанием энтропийных тенденций.

Наряду с духовностью, одним из абсолютов, к которому устремлена отечественная культура, является трансцендентное будущее, в устремленности к которому отталкиваются от настоящего

Экзистенциальная проблема повседневности трактуется скорее в негативном плане, что позволяет предположить ее чуждость для советской культуры, а это, в свою очередь свидетельствует о доминирующей роли ментальных установок, присущих традиционному обществу. Однако наличие актуализированных проблем бытия-для-себя и рациональности, свидетельствует о наличии черт культуры индустриального общества.

Социокультурные координаты советского общества позволяют говорить о советской ментальности как трансформирующейся, претерпевающей модернизационные изменения.

Тема изучения ментальности через призму кинематографа отнюдь не исчерпана в рамках настоящей работы. В качестве перспективных можно обозначить следующие направления исследований: изучение экранизаций, и проведение кросскультурных исследований для сравнения интерпретации одного и того же произведения в рамках разных культурных традиций; анализ кинематографической репрезентации прошлого, позволяющий реконструировать культурно-историческую идентичность, свойственную обществу; кросскультурные исследования, в рамках которых сравниваются смысловые характеристики одной и той же экзистенциальной проблемы в разных культурах; кросскультурные исследования, в рамках которых автор и адресат принадлежат к разным культурным традициям.

Апробация. Результаты исследования докладывались и обсуждались на конференциях городского, областного, всероссийского и международного уровней в период с 1997 по 2001 год. Например, на международной научно-практической конференции «Визуальная культура XX века и проблемы современного образования» (Дом Дягилева, Пермь, 1999), международной научной конференции «Массовая культура как феномен XX века» (ПГТУ, Пермь, 2001),

всероссийской научно-практической конференции «Два рубежа» (Дом Дятлева, Пермь, 1998), всероссийской научной конференции «Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике» (УрГУ, Екатеринбург, 1998), XII Уральских социологических чтениях (ПГТУ, Пермь, 2000), а так же на Летней сессии Методологического университета конвертируемого образования Московского общественного научного фонда (Тарусы, 1999) Общее количество выступлений 16 раз.

Список публикаций.

1. Киноискусство: рождение или смерть // Визуальная культура XX века и проблемы современного образования. Материалы международной научно-практич. конференции. – Пермь, 1999. С. 18-23
2. Ментальность как социологическая категория // Ученые записки гуманитарного факультета. Том I. – Пермь: РИО ПГТУ, 2000. С.134-143
3. Советский кинематограф на первом этапе детоталитаризации советского общества (сер. 50-х – 60-е гг. XX в.) // Материалы научно-практич. конференции «Октябрь 1917 года через призму времени». - Пермь, 1997. С.51-53
4. Культурные индикаторы в историческом исследовании (на примере эволюции социокультурных форм XX века) // Два рубежа. Материалы научно-практич. конференции. – Пермь, 1998. С.84 –87
5. Феномен шестидесятничества в советской культуре // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Том III. Материалы III Всероссийской научно-практич конференции. – Пермь: ПГТУ, 1999. С.470-472
6. Ментальность как категория социокультурного исследования //Культура. Цивилизация. История. Тезисы докладов научной конференции студентов и аспирантов. – Пермь: ПГТУ, 1999. С.26-28
7. Тарковский и экзистенциализм // Исторические чтения. Тезисы докладов научно-практич. конференции. – Пермь: ПГУ, 1999. С.52-54 (в соавторстве с Ивановой М.А.)
8. Элитарное искусство как культурный компенсатор для интеллигенции // В поисках истины. Интеллигенция России в эпоху общественных потрясений. Материалы научно-практич. конференции. – Пермь: РИО ПГТУ, 1999. С.28-32
9. Пространство и время в «пермской идее» // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. Тезисы докладов III межрегиональной научной конференции - Екатеринбург, 2000 С.114-116
- 10.Объективное и субъективное в визуальной репрезентации кинематографа // Визуальная культура XX века и проблемы современного образования. Материалы международной научно-практич. конференции. – Пермь, 1999. С 197-199
- 11.«Принцип замещения» и «принцип дополнительности» в отечествен-

ном менталитете // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Т. I. – Пермь, 2000. С.193-196

12. Социокультурные стереотипы советского кино 50-х – н.80-х годов XX века (гендерный аспект) // Фундаментальные ценности российской культуры и образования на рубеже веков – Пермь: Изд-во ПГУ, 2000. С.34-37

13. К дискуссии о некоторых особенностях отечественного менталитета // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. Тезисы докладов IV Всероссийской научной конференции и статьи. – Екатеринбург, 2001. С.168-170

14. Кинематографический процесс в контексте социокультурной коммуникации // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Том III. Часть II. Материалы IV Всероссийской научно-исследовательской конференции. – Пермь: ПГТУ, 2000. С.160-163

15. Повседневность в кинематографической репрезентации // Массовая культура как феномен XX века. Тезисы докладов международной научной конференции. – Пермь: ПГТУ, 2001. С.83-87

16. К проблеме культуры в немецкой философской традиции // Культура: эпохи и ритмы. Тезисы докладов научной конференции. – Пермь: ПГТУ, 2000. С.57-59

17. Метаморфозы смерти в советском послевоенном кинематографе // Периферийность в культуре XX века Материалы всероссийской научной конференции (в печати)

РНБ Русский фонд

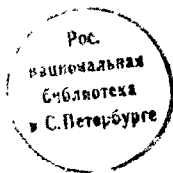
2003-4

14211

ЧЕРНЫШЕВА Наталия Михайловна
Ментальность советского общества через
призму кинематографического процесса
(период детоталитаризации)
Автореферат

Сдано в печать 5. 11. 2001 г. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.
Объем 1 уч. – изд. Л. Тираж 100 экз. Заказ № 1368

Ротапринт ПГТУ

13 ДЕК 2001